
СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Вступление. Гибель экспертного знания	17
Что впереди	26
1. Эксперты и дилетанты	34
Нация любителей объяснять	34
Новое ли это явление?	37
Проблема не нова. А проблема ли это?	43
Время недостаточно информированных избирателей.	52
Эксперты и обычные люди	57
2. Разговоры стали утомительны	73
Мне спор, пожалуйста	73
Возможно, все мы просто глупы.	76
Склонность подтверждать свою точку зрения.	82
Бабушкины сказки, суеверия и теории заговора.	94
Стереотипы и обобщения	103
Я нормальный и вы нормальный как бы	107
3. Высшее образование: клиент всегда прав	116
Семь волшебных лет	116
Добро пожаловать, дорогие клиенты	125
Можно просто отправить электронную почту?	137
Типичный университет	142
Не судите меня строго	154
Колледж — не островок безопасности	157
4. Давай загуглю: как неограниченное количество информации отупляет	167
Возвращение закона старджона	167
Что в интернете фальшивка? Все	177
Конечно, это безопасно. Я смотрел в google.	182

Мудрость мегатолп	191
Удаляю тебя из списка друзей	200
5. Много «новой» журналистики	208
Я прочитаю об этом в газете	208
Слишком много хорошо – тоже нехорошо	215
Радио убило звезду видео	222
Американские заложники: день 15 000-й.	228
Никому не доверяй	238
Кто умнее – зрители или эксперты?	244
Что нужно делать	255
6. Когда эксперты ошибаются	259
Экспертов просят не беспокоиться.	259
Ошибки бывают разными	264
Когда эксперт обманывает.	270
Я думал, ты студент pre-med	284
Я предсказываю!	295
Восстановление отношений	308
Заключение. Эксперты и демократия	313
«Эксперты отвратительны».	313
Компетентность и демократия: смертельный штопор	322
Те, кто знает, и те, кто решает	326
Республика, если вы понимаете, что это значит.	337
А я не хуже тебя	346
Восстание экспертов	349
Алфавитный указатель	356
Примечания.	361

Посвящается
Линн Мэри Николс
и
Хоуп Вирджинии Николс
Первоклассной жене и бесподобной дочери

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Гибель экспертного знания» — это одна из тех фраз, что торжественно заявляют о собственной важности. Подобное название рискует отпугнуть массу читателей прежде, чем они откроют эту книгу, или даже заставить их специально искать в книге ошибки, чтобы просто поставить автора на место. Мне понятна такая реакция, потому что я сам испытываю похожие чувства, когда слышу любые огульные заявления. В нашей культурной и литературной жизни преждевременно хоронили многие понятия: позор, здравый смысл, мужественность, женственность, детство, хороший вкус, грамотность, оксфордскую запятую и т. д. Последнее, в чем мы нуждаемся, — это в еще одной хвалебной оде в адрес того, что, как мы знаем, еще не до конца умерло.

И хоть экспертное знание, или профессиональная компетентность, еще не погибло окончательно, ему грозит опасность. Что-то явно идет не так. В настоящее время Соединенные Штаты — страна, зацикленная на преклонении перед собственным невежеством. И дело не только в том, что люди не обладают достаточными знаниями в области науки или политики, или географии. Все так и есть. Но эта проблема не нова. И на самом деле, это даже не проблема, пока мы живем в обществе, которое функционирует благодаря разделению труда — системе, которая предназначена для того, чтобы освободить нас от необходимости знать все обо всем. Пилоты

управляют самолетами, адвокаты подают жалобы в суд, врачи назначают лекарства.

Никто из нас не да Винчи, рисующий «Мону Лизу» по утрам и проектирующий вертолеты по ночам. Так и должно быть.

Нет, гораздо большей проблемой является то, что мы *гордимся* своим незнанием. Американцы достигли того предела, когда незнание, особенно в том, что касается общественно-политических вопросов, является фактически достоинством. Отвергнуть мнение экспертов означает отстаивать свою независимость — способ американцев защитить свое все более ранимое самолюбие от возможных обвинений в том, что они чего-то не знают. Это новая Декларация независимости: мы теперь «считаем за очевидные истины» не только, что «все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права» и т. д., а любые мнения, даже заведомо неверные. Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому предмету так же хорошо, как любое другое.

Это не то же самое, что традиционная американская нелюбовь к интеллектуалам и всезнайкам. Я профессор, и я понимаю, что большинство людей не любят профессоров. Я начинал свою преподавательскую карьеру почти три десятилетия назад, когда работал в колледже недалеко от своего родного города. И время от времени я заезжал туда, чтобы проведать своих и зайти в маленькую закусную, которой владел мой брат. Однажды вечером, после моего ухода один из посетителей обратился к моему брату с вопросом: «Он ведь профессор, да? В любом случае он кажется мне хорошим парнем». Если у вас такая же профессия, что и у меня, вы, должно быть, уже привыкли к этому.

Но вовсе не потому я взялся писать эту книгу. Интеллектуалы, которые выходят из себя из-за колких замечаний по поводу ненужности интеллектуалов, должны найти себе иной род занятий. Я работал преподавателем, советником по политическим вопросам, экспертом как в государственных, так и в частных организациях, выступал в качестве комментатора в различных средствах массовой информации. Я привык к тому, что люди бывают не согласны со мной. На самом деле, я приветствую это. Аргументированные, принципиальные споры — это признак интеллектуального здоровья и жизнеспособности демократического общества.

Скорее, при написании этой книги я руководствовался своей обеспокоенностью. Аргументированных и принципиальных споров больше не увидишь. В настоящее время уровень фундаментальных знаний среднестатистического американца так упал, что он пробил границу «невежественного человека», прошел черту «неверно информированного», а теперь катится в сторону «агрессивно заблуждающегося». Люди не просто верят глупостям, они активно сопротивляются процессу познания и не хотят отказываться от своих неверных убеждений.

Мне не довелось жить в Средние века, поэтому я не могу сказать, что это беспрецедентное явление, но на моей памяти подобного не было.

Это вовсе не означает, что я впервые задумался над подобным вопросом. В конце 1980-х годов, когда я работал в Вашингтоне, я наблюдал, как в самом обыденном разговоре люди мгновенно начинают учить меня тому, что следует сделать в определенных сферах деятельности, особенно в тех, которыми я занимался — контроль над вооружениями и внешняя политика. (Как обычно, совет был замаскирован словечком «они», например,

как во фразе «им давно следовало бы...») Я был молод, и еще не успел стать закаленным экспертом, но меня поразила манера, с которой люди, не имевшие ни малейшего представления об этих предметах, уверенно советовали мне, как наилучшим образом достичь мира между Москвой и Вашингтоном.

Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому предмету так же хорошо, как любое другое.

В какой-то степени это понятно. Политика предполагает дискуссию. Люди хотят быть услышанными. Особенно актуально это было в годы холодной войны, когда ставки были слишком высоки — мир находился на грани уничтожения. Я признавал, что это неизбежная цена, которую платят люди, занимающиеся публичной политикой. Со временем я обнаружил, что другие специалисты в различных политических областях сталкиваются с похожими проблемами, когда непрофессионалы вовлекают их в разного рода дискуссии о налогах, бюджете, иммиграционной политике, защите окружающей среды и многих других проблемах. Если вы эксперт в области политики, то это неотъемлемая часть вашей работы.

Впоследствии, однако, я начал слышать похожие истории от врачей. И от адвокатов. И от преподавателей. И, как оказалось, от многих других профессионалов, рекомендации которых оспаривать не принято. Эти истории удивили меня: вместо того чтобы задавать разумные вопросы, пациенты или клиенты настойчиво объясняли профессионалам, почему их совет ошибочен. В каждом случае сама мысль о том, что специалист знает, что он или она делает, отвергалась изначально.

Более того, сегодня меня особенно поражает не то, что люди отмахиваются от мнения экспертов, а то, что они делают это так часто, в самых разных ситуациях и с таким *гневом*. Возможно также, что нападки на экспертное знание стали более заметны из-за вездесущего Интернета, неупорядоченной природы обсуждения в социальных сетях или поступления новостей круглосуточно.

Но в таком неприятии экспертного знания присутствует столь явная уверенность в собственной правоте и такое неистовство, что это свидетельствует — по крайней мере, на мой взгляд — что это не столько недоверие, вопрос или поиск альтернатив, сколько нарциссизм в сочетании с презрением к чужой компетентности, то есть своего рода попытка самоутверждения.

А это лишь усиливает давление на экспертов, и им все сложнее призывать к разуму людей. Каков бы ни был предмет обсуждения, возможность конструктивного спора всегда разбивается о возмущенное эго, и все остаются при своих мнениях. А иногда это негативно сказывается на профессиональных отношениях и даже дружбе. Сегодня вместо споров от экспертов ждут того, чтобы они принимали подобные возражения, как честное заявление об иной позиции по конкретному вопросу. Мы должны «соглашаться — не соглашаться» — фраза, которая в настоящее время используется без разбора, чтобы, в том числе, погасить пламя жаркой дискуссии. А если мы настаиваем на том, что не все является делом вкуса, что какие-то вещи верны, а какие-то нет — что ж, тогда мы просто ничтожества в их глазах.

Возможно, я просто являюсь примером изменений, происходящих от одного поколения к другому. Я рос в 1960–1970-х годах — в эпоху, когда экспертам, может быть, слишком доверяли. Это было опьяняющее время:

Америка не только находилась на переднем крае науки, но и была бесспорным мировым лидером. Мои родители были грамотными, но не образованными людьми, которые, подобно большинству американцев, полагали, что люди, отправившие человека на Луну, вероятно, были правы и в отношении большинства других важных вопросов. Я воспитывался не в атмосфере бесспорного подчинения властям, но в целом моя семья была типична в том, что верила, что люди, специализирующиеся в самых разных сферах, от ортопедии до политики, знают, что они делают.

Как верно указывают критики экспертного знания, в те дни мы доверяли людям, которые не только отправили Нила Армстронга в точку посреди Моря Спокойствия, но и многих менее известных американцев в такие места, как Кхешань и долина Йа-Дранг во Вьетнаме.

Доверие общества к экспертам и политическим лидерам было не только потеряно, им злоупотребили.

Теперь, однако, мы движемся в другом направлении. У нас нет здорового скептицизма по отношению к экспертам: вместо этого мы активно возмущаемся ими. А большинство людей полагает, что эксперты неправы просто по факту того, что они эксперты. Мы осмиваем «яйцеголовых» — бранное слово, вновь вошедшее в моду — когда учим наших врачей тому, какие лекарства нам нужны, или когда убеждаем учителей в том, что ответы наших детей в тестовом задании верны, даже если

Вместо того чтобы задавать разумные вопросы, пациенты или клиенты настойчиво объясняли профессионалам, почему их совет ошибочен. В каждом случае сама мысль о том, что специалист знает, что он или она делает, отвергалась изначально.

они допустили ошибки. Каждый из нас не только так же умен, как любой другой — мы все считаем, что мы самые умные люди на земле.

И никогда еще мы не ошибались так сильно.

Я должен поблагодарить очень многих людей за помощь в создании этой книги, но еще больше тех, кто не хотел бы, чтобы его ассоциировали с теми взглядами и выводами, что представлены в этой книге.

Впервые я написал пост под названием «Гибель экспертного знания» (“The Death of Expertise”) для своего личного блога «Военная комната*» (“The War Room”) еще в 2013 году. Этот пост заметил Шон Дейвис из онлайн-журнала The Federalist. Он связался со мной и предложил сделать из этого текста статью. Я благодарен Шону и The Federalist за то, что разместили мой материал, где его вскоре прочитало свыше миллиона человек по всему миру. Позже статью увидел Дэвид Макбрайд и в свою очередь обратился ко мне с предложением создать на основе ее главного тезиса книгу. Благодаря его редакторскому опыту и советам мы смогли сделать эту дискуссию более масштабной. И я благодарен ему и издательству, а также всем анонимным рецензентам будущей книги за то, что данный проект воплотился в жизнь.

Мне посчастливилось поработать в Военно-морском колледже США, и многие из моих коллег по нему, включая Дэвида Бёрбаха, Дэвида Купера, Стива Нотта, Дерекка Реверона и Пола Смита, помимо прочих, дали свои комментарии и материалы. Но мнения и выводы в этой

* Образ позаимствован из фильма 1964 г. режиссера Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу». Вымышленный командный пункт, находящийся в бункере в Пентагоне. — *Прим. ред.*

книге только мои: они никоим образом не представляют взгляды любого другого учреждения или правительственного органа США.

Несколько моих друзей и партнеров по переписке, представители разных профессий, были достаточно любезны, согласившись оставить свои комментарии, прочитать главы книги или предоставить ответы на разного рода вопросы, что находятся вне сферы моей компетенции, включая Эндрю Фачини, Рона Граньери, Тома Хенджельда, Дэна Казету, Кевина Круза, Роба Мики, Линду Николс, Брендана Найхена, Уилла Сейлтена, Ларри Сейнджера, Джона Шиндлера, Джоша Шихена, Роберта Тробича, Майкла Уэйсса, Салену Зито и особенно Дэна Мерфи и Джоэла Энджела. Отдельную благодарность я хочу выразить Дэвиду Бекеру, Нику Гвоздеву и Полу Мидуре за их комментарии по нескольким черновикам рукописи.

Я весьма признателен Школе расширенного образования Гарвардского университета не только за возможность обсудить программу со студентами, но еще и за многочисленных превосходных ассистентов из числа студентов, которых школа предоставляет своему преподавательскому составу. Кейт Эйрлайн была бесценным ассистентом на этом проекте: она быстро и со знанием дела разбиралась даже с самыми необычными запросами. (Хотите знать, сколько точек быстрого питания открылось в Америке, начиная с 1959 года? Кейт может найти ответ на этот вопрос.) Но при этом любые фактические ошибки или неправильные толкования в данной книге мои и только мои.

Написание книги может быть удивительным и увлекательным опытом для автора, но не настолько приятным для окружающих его людей. Моя жена Линн и моя

дочь Хоуп проявили максимум терпения, когда я работал над этой книгой, и я безмерно благодарен им за то, что терпели меня в этот период. Эту книгу я посвящаю им обоим, с любовью.

И, наконец, я должен поблагодарить тех людей, кто

Каждый из нас не только так же умен, как любой другой — мы все считаем, что мы самые умные люди на земле. И никогда еще мы не ошибались так сильно.

помогал мне в процессе написания моей книги, но кто по объективным причинам не хочет, чтобы их имена называли. Я благодарен многочисленным профессиональным медикам, журналистам, адвокатам, представителям системы

образования, политическим аналитикам, ученым, научным сотрудникам, военным экспертам и другим, кто делился своим опытом и рассказами, вошедшими в эту книгу. Я бы не написал ее без них.

Я надеюсь, что в каком-то смысле эта книга поможет им и другим экспертам в их дальнейшей работе. Но в конечном итоге клиенты профессионалов из любых областей — это представители общества, в котором они живут. И поэтому я особенно надеюсь, что данная книга поможет моим соотечественникам лучше понимать и пользоваться услугами экспертов, от которых мы все зависим. Более того, я надеюсь, что эта работа внесет свой вклад в дело уничтожения раскола между экспертами и обычными людьми, который в будущем грозит не только благополучию миллионов американцев, но также ставит под угрозу выживание нашего демократического опыта.

Вступление

Гибель экспертного знания

У нас существует культ невежества. Он был вместе с нами с самого основания этой страны. Подобно штамму вируса, невежество проникает во все уголки политической и культурной жизни, подпитываясь ложными заявлениями о равенстве знания и незнания. Люди часто говорят: «Мое невежество ничем не хуже вашего знания».

Айзек Азимов

В начале 1990-х годов маленькая группа ВИЧ-диссидентов, включая профессора Калифорнийского университета Питера Дюсберга, оспаривала единодушное мнение всего медицинского сообщества о том, что вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) является причиной возникновения СПИДа. Наука развивается благодаря таким неожиданным задачам. Но в подтверждение точки зрения Дюсберга не было найдено никаких доказательств, и в конечном итоге она оказалась безосновательной. Когда ученые обнаружили ВИЧ, врачи и медицинские работники смогли спасти бесчисленное количество жизней благодаря мерам, нацеленным на предотвращение его передачи.

Работа Дюсберга могла завершиться подобно другим причудливым теориям, развенчанным научными исследованиями. История науки изобилует подобными тупиковыми проектами. Но в данном случае

дискредитированная идея привлекла внимание национального лидера, что привело к ужасным последствиям. Табо Мбеки, который был тогда президентом Южно-Африканской Республики, ухватился за идею о том, что СПИД вызывает не вирус, а другие факторы, такие как скудное питание и плохое здоровье. А потому он отказался от предложенных медицинских препаратов и других видов помощи для борьбы с ВИЧ-инфекцией в Южной Африке.

К середине 2000-х годов его правительство пошло на попятную, но решение Мбеки в итоге дорого обошлось стране: как подсчитали врачи из Гарвардской школы здравоохранения, погибло свыше трехсот тысяч человек, а около тридцати пяти тысяч родившихся детей были ВИЧ-инфицированы, что можно было предотвратить¹. Мбеки по сей день уверен, что обладал тогда ценными сведениями.

Большинство американцев, возможно, лишь презрительно усмехнутся над подобным невежеством. Но на их месте я бы не был так уверен в своих собственных способностях. В 2014 году Washington Post провела опрос американцев относительно того, должны ли Соединенные Штаты прибегать к вооруженному вмешательству в связи с конфликтом между Россией и Украиной. Соединенные Штаты и Россия — бывшие противники в холодной войне, каждая из стран имеет в своем распоряжении сотни межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками. Военный конфликт в центре Европы, прямо на границе с Россией, таит опасность разжигания Третьей мировой войны, с катастрофическими последствиями. И при этом только один из шести американцев — и один из четырех выпускников колледжей — могли найти Украину на карте мира.

Украина — самая большая страна, находящаяся целиком в Европе, но среднестатистический респондент все равно находится от нее на расстоянии целых 1800 миль.

Тест с картой легко провалить. Гораздо большее беспокойство вызывает тот факт, что отсутствие этих знаний не остановило респондентов в их стремлении высказать довольно острые взгляды на проблему. Я бы даже выразился точнее: публика не только высказывала свои острые мнения, степень поддержки военного вторжения в Украину была прямо пропорциональна степени невежества респондента относительно нее. Другими словами, люди, которые считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения военной силы со стороны Соединенных Штатов².

Наступили опасные времена. Никогда еще так много людей не имело такого доступа к столь обширным знаниям, и при этом не выражало стойкое нежелание узнать что-то. В Соединенных Штатах и других развитых странах умные на первый взгляд люди недооценивают интеллектуальные достижения и отвергают советы экспертов.

Растет количество непрофессионалов, которым не хватает базовых знаний и которые к тому же отвергают очевидные факты и отказываются учиться рассуждать логически. Поступая так, они рискуют отмахнуться от многовековых накопленных знаний и подорвать те практики и привычки, благодаря которым мы получаем новую информацию и опыт.

И это не просто естественный скептицизм по отношению к экспертам. Боюсь, что сейчас мы наблюдаем процесс *обесценивания экспертного знания в любой области*; спровоцированное Google, Wikipedia и блогами